

Александр Чебыкин

ПОЛОМКА

12+

Александр Чебыкин

Полонка

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Чебыкин А. Ф.

Поломка / А. Ф. Чебыкин — «ЛитРес: Самиздат», 2005

В основу сборника повестей и рассказов автора легли личные воспоминания. Повествования от первого лица подкупает своей искренностью и непосредственностью, содержит много интересных фактов. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Род Черемных на земле Поломки	6
Иван Мокеевич Черемный	6
Обживание	7
Пугачевщина	8
Французы	10
Раздвоение	11
Трудное решение	12
Севастополь	14
Счастье	15
Братушки	16
Максим	18
Екатерина	19
Неразбериха	20
Оживление	21
Тяготы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Во второй половине апреля речка Поломка, зажата между увалами холмов, выходит из веками проторенного к Каме русла. Солнце с утра до вечера играет на голубом небосводе, выполняя свою повседневную работу: грея остывшую за долгую зиму землю Прикамья, – и двухметровый слой снега медленно оседает. Вода просачивается в расщелины, журчит под снегом, достигает овражков, выбивается наверх и мчится к реке.

Река вспучивается, заливая луга и окрестные поля. Дальше Поломка сливается с Ольховкой, а там, где массы воды двух речушек соединяются, стоит грохот, напоминающий перекаты грома. Это место называется Гремячево.

Между холмами русло реки сужается, и вода намывает здесь плотину из обломков льда, вывороченных с корнями деревьев, коряг, лесного мусора, перемешанного со снегом и смытой с полей плодородной почвой, неся новые и новые массы и уплотняя затор. Образуется огромное озеро на сотни метров. Плотины скрипит и стонет под напором воды. Наконец не выдерживает натиска и с грохотом прорывается, сметая все на своем пути. На повороте вода ревет, пробивая дорогу вперед. В народе это место прозвали «ревун», а деревушку Ревуны. Около поселения Моки река расширяется и немного утихает.

Род Черемных на земле Поломки

Иван Мокеевич Черемный

Высокий мужик, с черемными волосами, перевязанными тесемкой, медно-рыжей курчавой бородой, выпуклыми голубыми глазами, задубелой кожей лица, легко размахивал топором с широким лезвием. Два его сына стяжками направляли ствол дерева в сторону плешины.

Но при падении дерево сыграло, толстый сук спружинил и ударил Ивана в грудь. Кровь хлынула из горла. Сыновья отнесли отца на сани и отвезли домой. Иван Мокеевич Черемный отлеживался на приступке у печи до посевной. Солнце настырно прогревало землю. Иван попросил сыновей вывезти его в поле. Разулся, прошел к пашне, помял землю в ладонях, приложил к щеке.

– Ну что, сыновья, завтра сеять. Всех на пашню с лукошками: жен, детей, деда. Потеряем день – земля иссохнет. Смотрите, как солнце палит.

На другой день сыновья с женами и детьми с наполненными лукошками овса выстроились в рядок и, размахивая горстью с зерном, били о лукошко, от которого веером разлетались золотые искорки и падали на теплую землю. К осени Иван оклемался, но боль в груди осталась. Убрали урожай. Изба невелика: теснота, духота. Иван собрал семью: сыновей с невестками, дочерей на выданье, отца с матерью. Перекрестившись на образа, предложил: «Ну что, сыновья, опыта хозяйствования набрались – пора жить своими домами. В эту осень срубим избу старшему сыну, а в будущем – младшему. Девчата в девках не засидятся. Сватают их давно, младшую Анюту оставлю дома. Пригласим пригожего и работающего парня к нам». Лес по жребью заготовили еще в апреле. Недостающий пришлось прикупить. Ошкуренные бревна подсыхали и томились под навесом.

После просушивания снопов в овинах, на току отбивали цепями колосья. От толстых снопов ржи зерно отлетало легко, а овсяные пришлось околачивать дважды. После Покрова начали выводить срубы. Для помощи Иван Мокеевич пригласил своих братьев с сыновьями. Набралось двенадцать человек. Работа спорилась. Через неделю дом на двадцать венцов играл на осеннем солнце. От бревен исходило тепло, вобранное за лето. Разметили, разобрали, начали собирать на мох. Бабы укладывали мох, малышня утыкала его деревянными лопаточками, выравнивая и отсекая лишнее. Настлали плахи на пол и потолок. Стали бить печь. Соорудили обширную, чтобы было, где зимой погреться. На брусья уложили доски для пола. Прорубили окна и дом готов. Топить по-черному не хотелось, сами видели, как в старой избе был продымлен потолок, а стены покрыты кружевом сажи. Трубу решили делать из листового железа. Деревянные трубы зачастую загорались – это было основной причиной пожаров в деревнях.

На Рождество молодые вселились. Поджарый Мелентий Черемный, похожий на отца васильковыми глазами и короткой темно-красной курчавой бородой, с благообразным лицом стоял под образами с молодой женой Ульяной, пышногрудой и крепкосбитой. Молились Всевышнему, чтобы даровал им радость в новом доме.

Обживание

На косогоре стало четыре дома. Семьи росли, покосов и пашни не хватало. Пришлось отправлять делегацию к управляющему строгановскими землями в село Ильинское. Долго думали, кого отрядить, решили Мелентия, как наиболее расторопного и сообразительного. Бабушкой он был обучен грамоте, остальные в семье заниматься в зимние вечера при лучине отказались. Говорили: «Ни к чему это. Если мужик будет книжки читать, то кто в поле будет работать. Счет до тысячи знаем и ладно». Мужики пошли к батюшке в село Григорьевское, сочинили прошение. В дорогу нужны были деньги. Решили продать Воронка, которого готовили к свадьбе Степана. Отвезли на ярмарку в Карагай. Невелику сумму выручили, но в нужде и это деньги. По первому снегу Мелентий Черемный прибыл в Ильинское. Граф Александр Сергеевич Строганов долго расспрашивал Мелентия, удивляясь разумению его. Пригласили лесничего Федора Александровича Телоухова. Мелентий сумел убедить их, что по долине Поломки лес больной – много сушняка, весной его подтапливает, а осенью стоит в болотине. Ни на постройку, ни на сплав, ни на уголь лес этот не годится, только на дрова. Мелентий доказывал, если этот лес не вырубить, то от него в любой момент «огневик» перебросится на другие урочища.

Было решено: крестьяне платят за каждую лесину по копейке. На эти деньги лесничий закупает семена и крестьяне сажают лес на очищенном от валежника и обгорелых деревьев месте. Мелентий согласился. За лето очистили более версты левого берега поймы, прихватывая овражники и релки. Леса заготовили на дрова лет на десять, что лучше пустили на постройку бань, хлебов, овинов. Из болотины пеньки легко выдергивались, зато намучились на склонах овражков, где рос ядреный лес. Пни пришлось выжигать, а затем, подрубая оставшиеся корни, выкорчевывать, запрягая по две лошади и таща за постромки всей деревней.

На другой год, после водополя, по лугу прокопали канавки от ручьев, текущих по овражкам, посрезали кочкарник и получился луг обширный и веселый. По ложкам посеяли овес, а на релках рожь. Осенью собрали завидный урожай. С соседних деревень приезжали посмотреть на крупное налитое зерно. Горелый лес подчистили. Плугом провели ровные борозды и высадили молодые сосенки, выращенные в ящиках с опилками и речным песком. Релки засаживать не стали. Выкорчевали обгорелые деревья, а весной засадили на их месте репу, высеяли горох. Земли хватило с запасом на многие годы.

Пугачевщина

В жаркие дни лета 1774 года на Троицу прискакало шесть конников, среди них два башкира в вислоухих шапках. Мелентий одного из пришельцев знал, встречались в Оханске на ярмарке. Мужик ерзал в седле, видимо, сказала долгая дорога. Правый глаз был прикрыт. Лицо его было усыпано глубокими оспинами. Велели собирать мужиков и взрослых женщин. Оспяной, приподнявшись на стременах, выкрикивал: «Из-под Осы мы. Царь Петр со дня на день возьмет городовых на пику. Волга от Каспия до Казани наша. Там власть Петра. Дворян и помещиков к ногтю. Полная свобода. Покуда послужите новому царю. Пойдем в поход на Москву».

Мелентий Черемный ответил: «Мы вас выслушали, но пока не знаем, где правда, а где кривда. Дайте нам денек другой поразмыслить – толком разобраться; кто царь и кто царица». Кто-то притащил бражки. Напоили седоков. Бражка, летнее солнце, дальняя дорога их сморили. Уложили гостей под черемухой. К вечеру собрались снова. Принесли кто пиво, кто бражку. Появился рыбный пирог. Поили гостей три дня, на четвертый чуть тепленьких усадили на коней и отправили.

Только уехали непрошеные гости, следом прискакал гонец, который объезжал починки и деревушки, требуя от старост выделения людей от трех дворов по человеку для формирования отрядов против разбойников. Гонец на взмыленном жеребце, утирая шапкой пот, подъезжал к домам, стучал кнутовищем по дверям и требовал выходить на круг мужчин старше девятнадцати лет. Из шести домов собралось до двух десятков мужиков. Старики наперебой рассказывали о приезде непрошенных гостей. Гонец запугивал, что если не дадут отпору лжецарю, то придут его люди и заберут мужиков поголовно. Пусть подумают, каково будет семьям без кормильцев. Как только гонец уехал, мужики решили уйти на пару месяцев в лесные глухомани, пока не установится порядок. Нагрузили переметные сумы с едой и на восьми лошадях, прихватив с собой пару коров, отправились в верховья Поломки. После слияния Поломки и Ольховки тропа заканчивалась, начиналась сплошная чащоба: ели в два обхвата, как великаны на распутье, стояли до того плотно, что приходилось топором очищать сучья на стволах, чтобы пробраться дальше. Легче было проезжать через сколки лиственниц, где нижние ветки на деревьях отсутствовали, да и солнца среди них было побольше. У бойкого ручья, впадающего в Ольховку, повернули вверх. По ручью шла луговина – привольное место для выпаса коров. Весенние снеговые воды смывали кустарник и не давали ему разрастись. Из-за большого уклона не было и болотины. Вода со звоном бежала по лужку, почти по прямой линии. При разветвлении луга, ручьи оказались зажатыми в крутых берегах.

Мелентий заметил на склоне горы большую плешину. Выбрались на поляну, до вершины было еще сажень двести. Верхняя часть поляны заросла можжевельником, по склонам выбивались ручьи, вода с шумом катилась вниз. Сверху на десятки километров просматривалась пойма Ольховки и Поломки, Кругом глухомань: ни огонька, ни дымка.

Вырыли семейные землянки, запаслись сушняком. Соорудили баньку. Работы хватило на две недели. Обжились и затосковали. Время охоты еще не пришло. Зверья кругом кишело. Лоси смело разгуливали по поляне. Молодые парни скармливали им сухари с ладони. Лось долго хрумал. Лизал руку – просил еще. По утрам вепри с хрюканьем топтались под дверями, ожидая остатков пищи. Глухари и тетерки взлетали из-под ног, расхаживая с выводками в густой траве. Белки, как угорелые, носились по елям, громко цокая, привлекая к себе внимание, как бы говоря: «посмотрите какие мы пригожие и ловкие».

Мелентий оставил за себя брата Никифора, взял с собой младшего сына Степана, и отправился попроведать домашних, разузнать, что творится вокруг починок. Приехали на закате солнца. В деревушке звенящая тишина. Мелентий испугался: «Живы ли?» Постучал,

долго не открывали. Мелентий изругался: «Вы, что там от страха совсем очумели?» По голосу узнали. Выбежала жена Ульяна, тощая, изможденная. Запричитала: «Что ж вы за мужики, коли побросали старух и малых детей. Как вы уехали, через неделю прискакал отряд разбойников. Мы были на току, обмолачивали рожь. Стали пытаться, спрашивали где мужики. Меня исстегали плетью, посмотри – спина черная, – она подняла кофту, кожа на спине багровела фиолетовыми рубцами. – Мы сказали, что мужиков забрали в Оханск, по указанию строгановского приказчика из Ильинска, Они велели напечь хлеба с три короба. Два дня пекли. Охальничали страшно. Девоч, которые не успели в лес убежать, изнасиловали. Мария, невестка Степана, до сих пор не вернулась. Искать в лесу три дня не нашли».

Мелентий срочно усакал на стойбище. Мужики ждали. По прибытии Мелентий заявил: «Беда, мужики, разорили нас и обесчестили. Мы подлые трусы и подонки. Не в лес надо было уходить, а поднять соседние деревни и дать отпор». Никифор возразил: «Беда-бедой, а против организованных и вооруженных людей не устояли. Перебили бы нас и еще больше поиздевались над семьями. Горе перемелется. Беда забудется. Марию живую или мертвую найдем». Решили возвращаться домой. Для присмотра за стойбищем остался Мелентий с племянником. В конце августа, как только выпал первый снег, прискакал Степан, сообщил, что Пугач снял осаду с Осы и ушел на юг к Казани. Марию нашли у родни в дальней деревне. Отыграли свадьбу.

Жизнь пошла своим чередом. Когда не стало Ивана – первого поселенца, по нему и детей, и внуков стали кликать – этот Ивана Черемного, а затем просто Черемных. Отвоевали у леса новые участки пашенной земли. Рассеялись внуки и правнуки по обоим берегам Поломки. У Степана с Марией рождались дети один за другим. Среди них выделялся Тимофей. К двадцати годам вымахал – косая сажень в плечах, кряжистый, упрямый говорили в деда Ивана порода. Женился поздно. Помогал братьям выстроить дома. Свой отгрохал на загляденье округе.

Французы

Летом 1812 года пришло известие, что французские войска завоевали полмира и двигаются на Москву. Граф Строганов Павел Александрович начал формировать полк. Обмундировал и вооружил его за свой счет. Когда сообщили, что Наполеон захватил Москву, молодежь направилась в Ильинское, мужики начали ковать рогатины. В Ильинском после двух недельного обучения стрельбе и штыковому бою сформировали полк в полторы тысячи человек. С Поломки в полку их было четверо. Мужикам штыковые приемы ближнего боя были знакомы – почти каждый ходил с рогатиной на медведя. Стрельбе учились терпеливо – кремневки водились только у зажиточных. С трудом давались приемы построения и перестроения.

При первых заморозках полк, растянувшись длинной вереницей, тронулся из села. Шли ходо – торопились. Колеса телег стучали по замершим глыбам дороги. Морозец подбадривал, и люди торопились бить врага, освободить столичный град. Когда прибыли под Москву, им сообщили, что Наполеон покинул столицу и направился на Калугу с обозами награбленного добра. Полк повернули на Малоярославец. Тимофей впервые увидел облако порохового дыма и услышал гром канонады пушечных выстрелов. Навстречу тянулись повозки с ранеными воинами. Былой пафос улетучивался с каждой верстой. Тимофей думал: «Так может быть и со мной, а если убьют – заруют в мерзлую землю далеко от Родины. Весной никто не придет на могилку. Дома молодая жена Стеша и двое малолетних девчушек».

Французы захватили Малоярославец. Строгановский полк с ходу бросили в дело. Улицы кривые – артиллерию не применишь. На городской площади кипел бой. Тимофей устремился в его гущу. Французы казались все на одно лицо и, как разъяренный медведь-шатун, в оскале лезли на Тимофея. Сноровки ему было не занимать. На игрищах в кулачных боях он всегда выходил победителем. Одно было плохо – с длинным ружьем невозможно развернуться. Одного, другого, третьего насаживал на штык и перебрасывал как снопы через себя, но в самой гуще штык застрял, и Тимофей не смог его выдернуть. Выхватил засапожный нож. Лево́й рукой стал орудовать тесаком, право́й втыкал нож в пах. Вдруг почувствовал, как что-то острое вошло в его левое плечо. Толпа отжала его к забору. Падая, он ухватился за доски и вместе с пролетом изгороди завалился под огромную яблоню. Пришел в себя, когда увидел, как какая-то женщина хлопала его по щекам. Левая ладонь руки представляла кровавое месиво, из раны в предплечье сочилась кровь. Пришли два мужика, раздели, затащили в натопленную баню, обмыли, привели бабушку-повитуху. Она что-то пошептала над раной. Кровь течь перестала. Руку промыли, положили мазь, обмотали полотенцем, на плечо наложили тугую повязку, занесли в горницу. И тут Тимофей снова лишился сознания, видимо, от потери крови. Выхаживали долго. Раны на руке от лезвий палашей зажили, но пальцы не сгибались, а предплечье заживало медленно, продолжала выделяться сукровица.

После разгрома наполеоновских войск под Березиным, пришел приказ вернуть полк в Прикамье. Из всего полка набрался один неполный батальон. Половина людей погибла в недельном сражении под Малоярославцем. Уцелевшие в бою – болели простудой: собирали их налегке, зимнего обмундирования не было. Казалось бы, пермские должны быть привычны к холодам, ведь на Урале климат суровее, но там он посуше, а тут болотина на болотине.

Посчитали, что в Малоярославце погиб Тимофей и с ним еще двое с Поломки.

Раздвоение

Федор Панкин привез домой печальные вести. Прождали Тимофея год, Дети подрастали. Жена Стеша измучилась, поддерживая хозяйство. На семейном совете было решено пригласить в дом Егора с соседней деревни, прошло два года, как у него умерла при родах жена. У Егора трое парней, у Стеши двое девчат – в общей куче веселее. Через год у Стеши родился сын, которого назвали Тимофеем в честь первой ее любви, а через три месяца после родов в начале сенокоса появился Тимофей. Пришел в солдатском обмундировании. Во дворе бегают четверо ребятишек. Старшая дочь качает в люльке малыша. Спросил где их родители, ответили: «На покосе». Дочери не узнали отца. Уходил на службу – были еще малы. С той поры миновало почти три года. Не стал беречь душу. Пришел на покос. Бабы и мужики побросали косы, обступили его – не узнают. Тимофей растерялся. Подумал: «Лучше бы погиб на поле брани». Стеша опомнилась. Родным повеяло. Подбежала к Тимофею, упала перед ним на колени и заголосила: «Прости меня, родной, не дождалась, по-новому замуж вышла за Егора. Дите у нас получилось с ним». Тимофей покрылся испариной. Рубаха на спине прилипла к телу, ноги налились свинцом, язык не поворачивался во рту. Наконец сообразил, что от него ждут решения. Выдал: «Ну ладно, думаю, все уладится, пойду папу с мамой попроведаю, а вечером жду в отчий дом на посиделки». Не оборачиваясь пошел к деревне. В глазах рябило. Слезы капали за ворот рубахи. Дошел до своего дома, прихватил вещи и пошел в сторону Нытвы.

В поселке представился управляющему завода, тот его принял. Долго беседовали. Управляющий поделился своим горем его сын в чине поручика погиб в битве под Лейпцигом. Поставили Тимофея горновщиком. Дали угол в бараке. Первые две недели вечерами напивался до потери сознания. Утром соскакивал и мчался к пруду. Бултыхался в холодную воду – и на работу. Прихватило сердце, решил – это не дело, можно и спиться, потерять работу, а потом куда? После первой полочки закупил леса. Стал строиться, не зная ни выходных, ни праздников. Работая топором, уставал. Выматывался до изнеможения. К весне дом пятистенки на берегу пруда был готов. И снова загоревал. Не отпускала мысль: для кого старался, кому строил? Бабы-молодухи – одинокие и замужние – под видом приборки в доме стали подкапываться к нему. От их внимания и ласок радости Тимофею не было. Перед глазами стояла Стеша. Прошло три года, он подсчитал – старшей дочери пошел десятый, ей нужно учиться. Дети рабочих ходили в заводскую школу. В их деревушке школы не было, а в Нытву за двадцать верст кто повезет ребенка?

Трудное решение

Весной, в водополе, приезжавшие на ярмарку соседи передали, что при рубке леса задавило Егора, и Стеша овдовела снова, осталась одна с шестью детьми. Тимофей хотел в тот же день отправиться в родную деревеньку, но сдержался. На Пасху, как только просохли дороги, около дома остановилась повозка с кучей детей. Тимофей покрывал крышу листовым железом. Сердечко екнуло, что-то родное и близкое чувствовалось в женщине, снимавшей детей с телеги. Спустился. Признал – Стеша. Остолбенел. Слова вертелись в голове, а язык присох к небу. Стеша подошла вплотную. Поклонилась в пояс. Прошептала: «Принимай детей, сироты они теперь. Кому мы нужны кроме тебя. Прощения прошу. Знаю боль в душе никаким словом не вырвешь. Старшие дочери твои кровные. Средний у нас с Егором общий, названный Тимофеем в честь тебя. Да что рассказывать – больше меня знаешь. В первые месяцы после твоего возвращения Егор хотел уйти, да куда уйдешь, коли своих трое, да четвертый общий. Его не разорвешь, мечом не разрубишь. В поле выйду, наплачусь, что не дождалась, так ведь, люди говорили, что видели, как в бою тебя штыками прокололи и палашами порубили». Тимофей долго молчал. Звонящая тишина повисла в воздухе, даже дети утихли и глазенками уставились на него. Наконец, потупясь, Тимофей сказал: «Если приехали, так располагайтесь, дом большой, места хватит всем». Стеша оправдывалась: «Да мы не надолго. Посевная. Рассиживаться некогда. Приехали на тебя посмотреть, да обговорить – детей надо учить грамоте». Тимофей, до хруста сжимая пальцы в кулак, сказал: «Завтра попрошу на неделю отпуск, еще ни разу не брал. Управимся с посевной, а там будем думать, как жить дальше».

Стал рассматривать дочерей, обе как две капли воды сходны с матерью, младший сын – копия Егор, трое других на родню Егора похожи. Тимофей улегся спать на широкую деревянную кровать, долго крутился, не мог заснуть. Думы прыгали векшей одна за другой. Задремал, почувствовал: кто-то смотрит на него. Рядом с кроватью стояла Стеша и рассматривала Тимофея: черемную короткую бороду, морщины под глазами. Он хотел протянуть руку, но Стеши уже рядом не было.

Утром Тимофей побежал в заводскую лавку, купил пять фунтов сладких кренделей, два фунта мелких баранок, конфеты-подушечки. Поставил самовар. Стеша сводила детей в церковь, после обеда засобиравшись домой. Тимофей рассуждал: «Стеша, я понимаю, что тебе будет тяжело управляться с хозяйством, но и детей учить надо. Работа на заводе у меня по здоровью подходящая. Для села я негод. Посмотри на левой руке пальцы срослись горстью, да и правая не шибко правит, в хозяйстве надо, чтобы обе руки были здоровыми и крепкими. По воскресеньям буду приезжать, помогать по дому. К зиме взрослых заберу к себе – их учить надо. Часть скотины порубим, а землю, корову и лошадь терять нельзя. У нас при заводе многие держат коров». На том и порешили.

Стеша поставила ребятню перед образами и прошептала: «Посмотрите на Тимофея Степановича, с этого дня он будет ваш папка, другого папки не будет, Настя и Пелагея, он родной ваш батюшка».

Они подбежали к Тимофею, прижались к ногам и вздохом запричитали: «А мы знаем, бабушка нам говорила, тебя сначала убили, а потом ты воскрес и долго ходил по земле, искал нас, а мы первые тебя нашли». Тимофея, как молнией ударило, ноги затряслись. Подумал: «Господи, прости меня! Малые дети, кровиночки мои, думали обо мне, а я за три года и весточки не подал, гостинцев не прислал». И обратился к ним: «Родные вы мои, отец ваш нашелся, а каково будет вашим братьям, их отец не разыщется – лежит в сырой земле. Все будете мне одинаково дороги, делить вас не буду на родных и пасынков. Судьба оставила меня живого и надо думать о живых, мертвых не вернешь. Вырастим вас со Стешей, на ноги поставим, в люди выведем».

Через год у них со Стешей родился еще один сын – назвали Андреем. Рос шустрым. Кликали его по батюшке Черемных, хотя вихры на голове были светленькие. На лето он всегда отправлялся к бабушке с дедушкой в деревню: боронил, сеял, косил. Но к плугу дед его не подпускал – боялся, что надсадится. Старшие братья пошли работать на завод, а его тянуло к земле, да и деда с бабой не хотел одних оставлять. Старики души в нем не чаяли.

Севастополь

По заводу пошли разговоры, что турки, французы и англичане напали на Севастополь – надо ждать очередного набора в армию. Брели одного рекрута с десяти дворов. Срок службы немалый – двадцать пять лет. Андрей часто слышал рассказы отца о его подвигах в Отечественной войну в Малоярославце и решил идти добровольцем от своей деревни. Отец настоял на женитьбе: если убьют, то останется живая душа в память. Свадьбу сыграли скороспелую. Староста деревни поехал в Оханск и попросил отсрочку для Андрея месяца на три.

Андрей с Дашей проводили вместе каждое лето, а когда он приезжал в деревню зимой, то вечерами учил ее грамоте. Даша была синеглазой, с тоненькими косичками, росла тощенькой и бледненькой, потому что была старшей в многодетной семье. Жизнь была несладкая. Проведенные с Андреем за букварем вечера были самой большой радостью для нее.

После уборки хлеба с полей, в праздник Дожинок провожали Андрея. Отец с матерью прощались, не надеясь на то, что дождутся заскребыша. Андрей наказывал Даше, чтобы не бросала родителей в старости: «Сестры замужем, у них свои семьи, свои заботы. Братья поразъехались по заводам Урала».

После трехмесячного обучения под Тулой полк своим ходом отправился в Крым. Была ранняя весна, дороги еще не просохли. Ноги увязали. Полковой обоз еле тащился. Колеса телег проседали по оси. Лошади по брюхо утопали в грязи. Целый месяц из-под Тулы добирались до Севастополя. Полк сходу бросили под Балаклаву, где шли жестокие бои. Для Андрея это было первое сражение. Он в плотной шеренге пошел в атаку. Ворвались в укрепления неприятеля. Колот врага больше от страха, чем от злости. Когда согнулся штык, схватил ружье за цевье и молотил прикладом, сбивая кивера. Французы не выдержали натиска – побежали. Поступила команда: «Прекратить преследование! Остановиться!» Стали перестраиваться. Андрей увидел, как справа по склону в их сторону выдвигается неприятельская колонна, которая могла отсечь их от основных сил. В это время ударила артиллерия. Шрапнель билась о камни и разлеталась в стороны. Андрей почувствовал удар по правой ноге такой силы, что потемнело в глазах. Очнулся в широкой палатке. Слышались стоны, ругань. Пахло кровью и смрадом. Два санитары, в сопровождении врача осматривали раненых. Подошли к нему. Андрей плохо сообщал, голова раскалывалась от боли, услышал: «В операционную!» Когда пришел в себя, то почувствовал резкий неприятный запах, от которого слезились глаза. Ломило правую ногу у щиколотки. Андрей протянул руку и ничего не смог ухватить. Стал ощупывать выше, наконец, у паха нашел обрубок ноги. Страх охватил его: «Куда я теперь без ноги, с одной ногой навильник сена не поднимешь, мешок на плечи не взвалишь». Через месяц стал ходить на костылях. Кутья заживала медленно. С обозом до Москвы, оттуда на перекладных добирался до дома, хорошо, что подорожные деньги выписали. О том, что Андрей возвращается без ноги, весть прилетела раньше его. Даша каждое утро после дойки коров выбегала за околицу, долго смотрела не идет ли родненький.

Счастье

Андрей появился в деревне неожиданно – на восходе солнца. Из Очера подвез его кум, который ездил туда на ярмарку. Даша еще спала, когда Андрей постучался в ворота. Громко залаял Батый. Андрей прокричал: «Батый! Батый! Это я!» Пес завизжал. Даша выскочила в ночнушке. Ухватила за ногу. Помогая Андрею, повела его в горницу. Подвела к люльке, приговаривая: «Это наша Машенька». Причмокивая соской, безмятежно спал маленький живой комочек. Андрей сказал: «Спасибо тебе, Даша, девочка – это хорошо, нянька будет, а братика ей мы сотворим». Из-за своей увечности Андрей сильно расстраивался. Дрова приходилось колоть сидя на чурке. Однажды зашел деревенский кузнец Михаил. Стали они каждую неделю делать новые приспособления к ноге. Получались то слишком громоздкие, то тяжелые. Наконец сотворили: сшили кожаный стакан, закрепили его на железной полосе с деревянной стойкой, прикрепили к широкому поясу, приделали держак для руки – и нога готова. Не только косить, но и стоговать можно, но за плугом ходить было не вмоготу. Нога проваливалась в пашню и всего выкручивало. По рекомендации отца Андрей пошел на завод. На заводе долго подыскивали ему дело. Знали, что он герой Севастополя, георгиевский кавалер. Предлагали в сторожа или окалину обивать с металла – не согласился. В сторожа – еще не дед, а окалину обивать – это бабье дело. Силушка в руках есть. Поставили молотобойцем. Приловчился. Работа понравилась.

Андрей с Дашей и Машенькой поселились в отцовском доме, места хватало – дом огромный. Вскоре родился сын Григорий, за ним еще один, и пошли дети один за другим. Кто-то выживал, кто-то умирал – такова была судьба тогдашних детей. Многим спасала жизнь заводская больница.

Годы брали свое, молотом махать на одной ноге стало тяжело. Жена видела, как от усталости Андрей стонет по ночам и растирает опухшую ногу, стала уговаривать подучиться дальше. При заводе открылись вечерние курсы мастеров. Как ни было тяжело, две зимы после работы Андрей осваивал азы науки. К сорока годам его назначили мастером в тот же цех, где он работал молотобойцем. Здесь раскрылся организаторский талант Андрея. Под его руководством цех увеличил выпуск продукции. Он нередко хлопотал перед дирекцией завода о денежном поощрении тех рабочих, которые проявляли смекалку, изобретательность.

Старший сынишка Григорий рос спокойным, учился прилежно, домой каждую четверть приносил похвальные листы, вечерами зачитывался книжками. Андрей хотел пристроить сына на завод, но Гришу тянуло к земле. Каждое воскресенье, когда пешком, когда на попутных подводах добирался до села, где гостил у дальних или ближних родственников. В селе подружился с дочерью учителя Анастасией, первой красавицей в округе. Обоих тянуло к книгам, прочитав новую, они взахлеб пересказывали ее содержание друг другу, добавляя свои фантазии.

Братушки

Новый царь Александр II отменил рекрутчину. Ввел всеобщую повинность. Срок службы с двадцать пять лет сократился до шести. Призывали в двадцать один год, существовало много отсрочек и по болезням, и по семейному положению. В 1872 году подошло время идти в армию Григорию. По всем статьям к службе подходил: рослый, здоровый, грамотный. Он так и не определился с профессией. Зимой подрабатывал у отца в цехе молотобойцем, а летом дяде подсоблял, чтобы быть поближе к Настеньке. Отец отхлопотал его от призыва на год. Готовились к свадьбе, но Настенька поступила на учительские курсы. Свадьбу отложили. Знали, что сразу пойдут дети и учебу придется забросить, Отец успокаивал: «Не состаришься, пока будешь служить, девка только входит в силу, на целых пять лет моложе тебя, если любит настоящего – дождется».

В 1873 году началось восстание болгарского и сербского народа против турков. Россия выступила в поддержку православных братских народов. Правительство Александра II стало усиленно готовиться к войне. Сняли ограничения по набору. Осенью 1873 года Григорий пошел служить. Настенька, обещала: «Сколько надо, столько и буду ждать».

Григорий попал в артиллерийский полк под Тулу. Командир полка полковник Островцов оказался умницей. Презрительно относился к офицерам, которые занимались рукоприкладством. Говорил: «Солдаты призывники грамотны. Задача офицеров научить их маневру, меткой стрельбе, слаженности расчетов и штыковому бою, на случай если враг прорвется на батарею». Запретил ненужную муштру. Требовал тренировок, тренировок и тренировок для оттачивания навыков до автоматизма. Уметь бить врага, если у пушки останется хоть один номер расчета.

В апреле 1877 года начались боевые действия русских войск на Дунае. Шла переправа. На огромных плотках по-батареино артиллеристы преодолевали реку. Турки вели интенсивный огонь. Снаряд разорвался рядом с плотом. Плот приподняло и наклонило. Пушка сорвалась с креплений и поползла к краю. Расчет бросился спасать орудие, но второй снаряд разорвался еще ближе, и пушка вместе с расчетом слетела в воду. Контуженного Григория затянуло под плот. Успел подумать: «Все конец...» Но сознание работало четко. Упираясь носом в бревна, стал перебирать руками и выбрался из водяной ловушки. Лег на спину, отплевываясь и фыркавая, поплыл к берегу. Григорий благодарил Бога, что в детстве его любимым занятием было купанье в Поломке и Нытвенском пруду. Начинал купаться, как только сходил лед и до тех пор, пока река не покрывалась льдом, поэтому к холодной воде был привычен. Выбрался на берег, разделся до гола, отжал одежду и пошел вверх по течению разыскивать свою часть. Пехота ушла вперед, а солдаты его родной батареи чистили орудия. Батарейцы обрадовались Григорию, Половина бойцов были ранены или контужены. Из своего расчета в живых остался он один. Командир батареи капитан Новосельцев стал формировать новые расчеты. Через два часа построил всех и зачитал поступивший приказ двигаться вперед.

После двух месяцев непрерывных боев батарею бросили под Плевну. В июле 1877 батарейцы участвовали в первом штурме крепости. Русские войска понесли большие потери, но город взять не смогли. Пробовали несколько раз, но безуспешно. Батареи были рассредоточены по полкам, вместе со штурмующими подкатывали пушки вплотную к стенам, прямой наводкой вели огонь. После каждой попытки штурма батареи недосчитывались нескольких человек. Григорий несколько раз был контужен, но, отлежавшись пару дней, возвращался в свой расчет. Прибывший на поле боя генерал Тотлебен определил, что тактика штурма крепости абсолютно неверна, потребовал сконцентрировать наибольшее число артиллерии на каком-то одном участке, чтобы подавить противника не только огнем, но и морально.

В ноябре 1877 года Тотлебен стянул под Плевну тяжелую артиллерию. Неделью вели беспрерывный огонь. Спали часа по четыре в сутки. Грохот не утихал в ушах. Небо было затянуто пороховым дымом. Некоторые участки стены были снесены до основания. Через месяц Плевна капитулировала. Когда вошли в город, по улицам было невозможно пройти: дороги завалены разрушенными зданиями и трупами вражеских солдат. Никто их не хоронил, так как город беспрерывно засыпался снарядами. Пожиться было нечем. В одном из погребов нашли бочонок с вином. Три дня пили на батарее вместо кваса. Пушкари смеялись: «Немного берет, но с ног не сшибает, наша бражка хмелевая и то посильнее».

В 1879 году, на масленицу, после окончания освободительной войны балканских народов от турецкого владычества, Григорий раньше срока, по контузии, вернулся в деревню, с медалью за взятие Плевны и десятью золотыми рублями. Настенька ждала. Была она высокая, крепкосбитая, чуть выше Григория, задорная, веселая, со смешинкой в серых глазах. Гуляли свадьбу на масляной неделе. Катались к родне в Ильинское, Григорьевское, Карагай, Оханск, Нытву пока были золотые рубли. Отец ругался: «Зачем транжиришь деньги. Надо хозяйством обзаводиться». Григорий смеялся: «Если бы погиб, ни меня, ни денег не было бы. Деньга дело наживное, Вон сколько наших земляков на Шипке полегло. Гуляю и поминаю русичей, павших на полях сражений Болгарии и Сербии. Пусть народ помнит. Зима, масленица – гулять велено».

После свадьбы, Григория как будто подменили. Начал рубить новый дом пятистенки. Пошли дети один за другим – выживали парни. Как только пообиходил свой дом, зимами начал плотничать, ставя дома по соседним деревням. На заработанные деньги покупал книги. Вечерами деревенские не давали покоя, просили поучить грамоте или похлопотать за них: написать заявление в волость. Приходили с соседних деревень. Григорий никому не отказывал в просьбах. Когда встал вопрос о выборе волостного старшины, тогда Мокинское, Лягушенское, Дроздовское общества стали хлопотать о назначении старостой волости Черемных Григория Андреевича. После утверждения на должность с ним произошло второе перевоплощение: он стал требовать от крестьян поддержания чистоты дворов. Уговаривал, чтобы за домами повырыли выгребные ямы. Упрашивал из сеней делать два схода – на улицу и во двор, чтобы не тащить грязь со двора в избу; устилать дворы плахами, благо валежник можно было выписать по низкой цене – это не строевой лес. Просил овины и амбары ставить подальше от дома, чтобы они не были причиной больших пожаров.

Крестьяне матерились, но послушаться боялись. Знали, что это делается для их же блага. Григорий в 1882 году добился открытия в селе двухклассной церковно-приходской школы – отпала необходимость возить детей в село Григорьевское или Нытву. В больших деревнях нашел помещения или построил за счет средств волости избы-читальни, где старосты или сами жители, получившие грамоту, по вечерам за мизерную плату приучали людей к книгам.

Старшие сыновья Иван и Михаил обзавелись своими семьями, а младший Максим, названный в честь друга, погибшего под Плевной в артиллерийской перестрелке, как и положено в роду, остался с отцом и матерью. Григорий очень горевал, когда началась война с германцем, к этому времени он поизносился и постарел, а то бы пошел на фронт и показал бы супостату «кузькину мать». Характера был волевого. Переживал за сыновей, что им придется несладко на чужбине.

Максим

Максим рос головастым, рассудительным, степенным, был широкоплечим, светловолосым, с теплыми материнскими чертами лица, только нос подвел – удлинённый и тонкий, как у Николая Чудотворца. Пришло время ему идти в солдаты. Срок службы к этому времени был сокращен до двух лет. Крестьян это радовало. Старались жениться до армии, чтобы дома у родителей оставалась помощница.

Максима уговаривали пойти к невесте в дом. Ему нравилась Евгения, взял бы ее в жены, но в примачи ни в какую не хотел идти, возмущался: «Я что – недоносок или нахлебник, чтобы идти в примачи, или не смогу вести свое хозяйство». Получилось так, что детей у жениных родителей долго не было, а в старости Бог дал дитя. Никто не знал – свое или приемное. Не осуждали, а только радовались за них, что будут не одиноки. Отец Евгении был пимокатом. Зимами буздохался, сколачивая валенки. Считался лучшим пимокатом на округе. Дом построил просторный на восемь окон, снаружи и внутри обшил тесом. С Черемных состоял в дальней родней. Евгения о другом женихе и слышать не хотела. Ее родители по очереди приезжали уговаривать Максима, зная ее настырный характер, говорили, что она быстрее повесится, чем за кого-то другого замуж пойдет.

На Покров сыграли свадьбу. С Евгенией он зажил душа в душу. Родители ее души не чаяли в Максиме, ухаживали за ним, как за цветочком аленьким. Максим злился: «Я что маленький – двадцать один год стукнул».

Отслужил, как положено два года. На последнем году ходил в унтерах. Служил под Уссурийском, на китайской границе. Вернулся со службы с Похвалой и деньгами.

Максим был умельцем на все руки: и печь сбить, и дом срубить. Решил позади дома речку Березовку запрудить. Пруд получился отменный, в середине до двух метров глубиной. Запустил мальков. К осени по утрам и вечерам рыба бурно резвилась в пруду, выпрыгивала вверх и громко шлепалась в воду. В 1900 году у Максима родился первенец, назвали Павлом.

Зимой 1904 года дошел слух, что Япония напала на Россию. Брат Михаил служил на Балтике заряжающим орудия главного калибра на броненосце. Прислал письмо с сообщением, что идет в поход вокруг света – громить японский флот. Осенью Максима пригласили в уезд, где сказали, что есть указ брать из запаса в первую очередь тех, кто служил на Дальнем Востоке. Максим знал, что защищать Дальний Восток некому – войск там мало, население редкое, а Япония рядом. Пока формировали, пока в течение месяца шел эшелон – война кончилась для России позором. Максим горевал: Дальний Восток за два года срочной службы стал для него родным. В апреле 1905 года пришло извещение, что Черемных Михаил Григорьевич пал смертью храбрых. С извещением вручили Григорию двадцать рублей. Через месяц получили письмо из Вологодской губернии, где друг Михаила по службе на флоте Холмаков Степан сообщал: «В морском бою в Цусимском проливе, корабль, на котором мы служили с Мишей, был потоплен. Миша был тяжело ранен, я пробовал его спасти, но не смог, очередной снаряд разорвался рядом с нами. Японцы выловили меня из воды, и только после плена я вернулся домой».

Сын Павел подрастал, голубоглаз, волосы с рыжиной, настырный, немного с упрямцем, но с матерью был очень ласков. В 1908 году Евгения при очередных родах скончалась, не выжил и ребенок, сиротами остались восьмилетний Павел и двухгодовалая Аня. Максим сильно горевал, каждую субботу бегал за село на могилку. Соседи советовали Григорию подыскать сыну невесту, а то мужик с горя умом свихнется. Не так-то просто найти невесту для бобыля, у которого двое детей.

Екатерина

В соседней деревне Максим облюбовал сироту Екатерину Сажину. Девчонка что надо, как снопик осенний тощенькая. Заморыш-заморышем. Хозяйства почти никакого: коза, да две овцы, пяток курочек. Одной и с этим хозяйством было управиться не вмоготу. Земли маленько, поэтому никто и не сватался. Кому нужна бедная и к тому же без приданного. Максиму она была любя, но боялся, что больно молода против него. Наконец решился. Поехал сам свататься, ни отца, ни матери, ни свахи с собой не взял. Зашел в избу, посмотрел на убогость житья и удивился как она тут, в такой нищете выжила. Катя зажалась в передний уголок, притихла. Догадывалась, зачем приехал Максим, а вдруг обидит и заступиться некому. Соскочила, набросила на плечи пониток и к дверям. Максим окликнул:

– Катюша, ты это куда?

– Да к бабе Марфе побегу, что-то боязно стало, Максим Григорьевич.

– Катерина, прошу, останься, не обижу, не зверь же я. Приехал свататься к тебе. Пойдешь за меня замуж? Знаешь, что как два года я без хозяйки живу, да и дети у меня – двое, за ними досмотр нужен.

Катя побледнела, присела на приступок у печи и прошептала:

– Максим Григорьевич, за какой-такой замуж, у меня приданного нет, оно все на мне.

Максим нервно теребя шапку в руках, срывающимся голосом проговорил:

– Не беспокойся, прикупимся, а что доброе – можешь после Евгении поносить, не от заразы она умерла, а при родах.

Катерина упростила, чтобы свадьбу сыграли как у всех, чтобы было, что в старости вспомнить и внукам рассказать. Зажили дружно, оба с благоговеньем и радостью друг к другу.

От Евгении осталось двое детей – Павел и Анна. Максим замечал, что к падчерице своей Катерина относилась с любовью и заботой, обращалась ласковее, чем со своими родными детьми. Сама познала сиротское горе. В 1912 году у них родился общий сын, назвали Михайлом, в 1917 – дочь Татьяна, а в 1922 – еще один сын Анатолий. Из девяти детей до совершеннолетия дожили четверо. Павел подрастал, окончил четыре класса в селе Григорьевском. Душа у него к сельскому хозяйству не лежала, он то устраивался работать на завод в Нытве, то возвращался домой. Никак не мог найти свое место, Хотя Екатерина и к Павлу была внимательна, но для него это была чужая женщина, на десяток годов его постарше.

Неразбериха

По вечерам Мокинские мужики собирались у Максима, спорили до первых петухов. Сходились в одном – так дальше продолжаться не может: жить веками на земле и не считать ее своей. Земля была как мачеха. Своя не и не своя. Чужая. Строгановская. Надоели частые переделы. Решили: «Кто на земле работает и ее облагораживает, тому она должна принадлежать». Когда в Петрограде совершилась революция, толком в деревне не знали, что это такое, но когда, Максим привез из Нытвы газету с декретом о власти, земле и мире – селяне согласились, поддержали, что это правильно, давно надо было сбрасывать царя и убирать помещичье правительство.

В ноябре советская власть пришла в Пермь. В селе создали дружину по поддержанию новой власти. Павел один из первых записался в нее. Когда осенью 1918 года Пермь захватили колчаковцы, Павлу пришлось скрываться в лесах за Северной. При прибытии в город путиловского полка, он напросился, чтобы приняли его. Сначала отказали по молодости, но Павел обегал все начальство, вплоть до комиссара полка, который дал добро, учитывая, что Павел шустр, вынослив, высок, хорошо знает прикамскую местность. Когда Максим узнал, что сын подался в путиловский отряд, разыскал его. Хотел вернуть домой, но Павел категорически отказался. Максим, боясь за сына, остался с ним в отряде. Через неделю с нарочным сообщили, что в селе от тифа умер отец. Максим в тот же день уехал, наказывая командиру отряда, чтобы уберегал Павла, предупредил, что характер у него взрывной и беспшибашный.

Прибыв в село, Максим ужаснулся, полдеревни болело, некоторые дома стояли с заколоченными окнами. Вымирали семьями. Хоронить было некому. Жена и дети лежали пластами, бредили. Он натащил в дом вереса, давай домашних отпаивать настоем полыни. Чуть-чуть оклемались. Максим собрал переболевших мужиков, вместе за селом устроили кладбище. Хоронили по два-три человека в могилы. Рыть ямы сил не было. Не прошло и недели, как случилась новая беда. Сообщили, что под Куигуром погиб Павел. Горе придавило Максима. Умер отец, погиб сын, поумирали от тифа малые братья, сестры, тетки, дядья, племянники. Но надо было жить и растить детей. Михаилу было шесть лет. Татьяне всего годик. Жена после тифа была слаба, ее качало. Хозяйство требовало ухода, к тому же в 1918 году продотряды забирали хлеб под чистую, выгребая все из амбаров и сусеков. Как тогда выжили – Максим удивлялся. Ели толченную липовую кору напополам с мякиной и лебедой. Спасал огород. Максим изловчился ставить морды в Березовке, а в Поломке вентери, хотя и некрупная рыба была, но порой по ведру приносил улова. Это спасало от голода.

Оживление

В марте 1921 года отменили налоги и недоимки. Оставили один продналог. Крестьяне на селе зашевелились. Излишки продовольствия повезли на рынок в рабочие поселки, в первую очередь в Нытву. В Нытве торговля шла слабо, около каждого дома был свой большой огород, многие держали коров, некоторые лошадей. По возможности продукты везлись в Пермь, там товар шел ходко. Его быстро разбирали, и цены можно было поставить повыше, но времени на дорогу уходило больше. Нужно было вставать с первыми петухами, а возвращаться домой за полночь.

Согласно постановлению о новой экономической политике землю делили на всех едоков и сроком на десять лет. Крестьяне приняли это с радостью и старались облагородить землю: вносили навоз, расчищали неудобья, осушали болота и луговины. Резко возросли урожаи. В деревне началось строительство: обновлялись старые дома, рубились новые, особенно в тех семьях где были взрослые сыновья. На строительство лес отпускался по низкой цене.

Максим, управившись осенью с хозяйством, подрабатывал на стороне. Научился не только плотницкому делу, но и столярному, хотя грамоты и было три класса, но все выкладки держал в память. В 1922 году вдвоем с Иваном Коробейниковым сложил двухэтажный дом для Ширяевых в Нытве, который и сейчас поражает своим изяществом. Максиму хотелось, чтобы и другие мужики владели этим ремеслом. Те поначалу не сильно к этому стремились, но с годами, овладев такой нужной специальностью, благодарили его. Максим был очень строг и к себе, и к детям, и товарищам. Хотел, чтобы люди поступали по справедливости и жили по совести. Его жена Екатерина была глубоковерующей, очень доброжелательной, совестливой. Полностью посвятила себя мужу и детям. Колотилась в работе с утра до вечера, некогда было порой присесть и перекусить. На ходу перехватит кусочек хлебушка – и весь обед. Девять детей, хозяйство – работы непочатый край. Если родители в поле, то дети сами досматривали друг за другом.

Анатолий родился 23 октября 1922 года. Резко похолодало, вода в Березовке покрылась тонкой коркой льда, полетели белые мухи-снежинки. А в поле стояли суслоны еще не свезенной ржи, управились только с уборкой овса. Присесть некогда, не то что прилечь. Схватки начались во дворе, Катерина успела подняться по ступенькам и открыть двери в дом, и начались роды. Так и родила Анатолия у порожка. (Памятуя об этом, Анатолий по традиции в день своего рождения выпивал рюмку водки у порога.) Екатерина один вечер отлежалась и на другой день с раннего утра – в работу. Сначала за Толей приглядывала старшая сестра Анна, а как немного подрос, стали оставлять с Таней, которая старше его была на пять годиков, а Анюта пошла работать наравне со старшими. Другой раз Тане шибко хочется выбежать под окошко, попрыгать с подружками на скакалочке, но братика не оставишь. Откроет она окошко и наказывает: «Толя, ты посиди у окошка, посмотри, как мы прыгаем, я быстренько: раз-два прыгну – и домой, смотри не упади». Несколько раз Толик выпадал из окошка, засмотрится – и бух вниз. Иногда обходилось благополучного, но один раз грохнулся вниз головой так, что под окном на завалинке лежал до прихода родителей. Танюшка с перепугу спряталась под кровать и уснула там. Родители ее еле отыскивали. Как-то раз над деревней на низкой высоте пролетел самолет, так Толик, испугавшись, залез в собачью конуру и до прихода родителей просидел в ней. Как только не уговаривала его сестра, чтобы вылез – ни в какую, только пальцем из конуры показывал в небо и говорил: «Бука! У-у-у-у!». Мать хотела воспитать сына нежным и послушным. В церковные праздники водила в храм, где батюшка причащал сладким вином с ложки и вытирал рот всем по очереди плюшевой тряпкой. Тогда у Толи появилась брезгливость, и он ни в какую не хотел причащаться, его не радовало сладкое снадобье.

Хотя и водила мать Толю в церковь, но креститься он так и не научился. Он был самый младший в семье, и родители немного баловали его. Отец то ладил для него коньки, то клеил силки для ловли птиц, то выстругивал лыжи. Если старшие брат и сестра научились только читать и писать, то Анатолия решили выучить полностью, как бы тяжело не было. Родители любили его за понятливость, сообразительность и смекалку. Отец часто говорил: «Головастый парень растет – весь в деда Григория». В тридцатом году Толю определили в первый класс. Занимался он с великим прилежанием, в этом заслуга была и его первой учительницы Вожаковой Александры Григорьевны. Отец очень гордился тем, что сын отлично учится и является примером для других. В селе говорили: «Этот умница – сын Максима Григорьевича». Отец в виде поощрения скатал для Толи валеночки.

Жизнь в деревне бурлила, люди собирались на сходки, не желая жить по-старому. Со сменой власти хотелось новых перемен и в хозяйстве. В стране создавались первые колхозы и совхозы. В деревне Якимята образовалась коммуна, куда в основном вступили многодетные семьи и вдовы (после германской и гражданской в каждом третьем дворе не было мужика). При коммуне были столовая, клуб, изба-читальня. Вечерами в клубе проводились занятия по ликвидации неграмотности. Для поднятия престижа коллективного труда в коммуну стала поступать техника: сноповязки, сеялки, трактора «Фордзоны». Первый трактор направила в коммуну «Красный отряд» в деревню Верхняя Палица. Народ с окрестных деревень шел за десятки километров, чтобы посмотреть на диковинку. Организовался колхоз в селе Мокино. Лошадей свезли на общий двор. Днем лошади были задействованы на работах, а вечером выгонялись на выпас за Поломку. Сельские подростки отправлялись в ночное. Было интересно. Накупавшись в Поломке, наигравшись, устраивались под стогом сена. Пересказывали отцовские байки, любовались яркими звездами и засыпали крепким сном. В те вечера, когда в село привозили кинопередвижку, охотников пасти лошадей не было, тогда отражали в ночное стариков. Стрекотал мотор, который крутил механик, трещала динамо-машина, которую вращали подростки по очереди. Люди были захвачены событиями, происходящими на экране, и посторонние звуки не отвлекали их. Стали сеять лен на косогорах, и в полдень, когда на небе появлялась тучка и понимался ветер, можно было видеть бегущие волны нежно-голубого цвета. Построили льняной завод, завезли технику для уборки и обработки льна.

Для малышни самой большой радостью была река Березовка, она хоть была и не большая, но полноводная, в ней водилась некрупная рыба: пескари, красноперки, налимы. По Поломке было множество прудов с мельницами, где было раздолье для более крупной рыбы: окуней, щуки, сороги, язя. Пацаны целыми днями пропадали на реке, ловили рыбу, раков и купались.

Тяготы

Если в первые годы Советской власти в коллективные хозяйства шли добровольцы, то с 1931 года заставляли идти всех поголовно. Радостное детство для Толи закончилось. Чтобы не ввязываться в непонятную затею, Максим Григорьевич подался на подрядные работы. Восстанавливал разрушенный колчаковцами мост через Каму. Заработки были хорошими, по отношению других семья Черемных жила зажиточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.